

С. В. Краснощечкова

РЯДЫ МЕСТОИМЕНИЙ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ВОКРУГ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА: ОСВОЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ

В статье рассматриваются ряды кванторных местоимений типа кто — кто-то — кто-нибудь — никто в детской речи. Гипотеза заключается в том, что местоимения одного ряда осваиваются системно: во-первых, неопределенные и отрицательные лексемы осваиваются на базе вопросительных; во-вторых, местоимения демонстрируют эффекты взаимодействия. Гипотеза подтверждается лишь частично. С одной стороны, не обнаружено свидетельств того, что вопросительные местоимения служат базой для освоения производных от них лексем. С другой стороны, смешение местоимений разных разрядов, так или иначе, свойственно для детей.

Ключевые слова: детская речь, местоимение, освоение языка, вопросительные местоимения, неопределенные местоимения, отрицательные местоимения.

S. Krasnoshchekova

PRONOUN CATEGORIES ORGANISED AROUND AN INTERROGATIVE-RELATIVE CENTRE: ACQUISITION AND USE BY CHILDREN

The article discusses the category of quantifier pronouns, i. e. “кто” (who) — “кто-то” (someone) — “кто-нибудь” (anyone) — “никто” (no one) in children’s speech. Our hypothesis was that the pronouns are acquired in a systematic way: firstly, the negative and indefinite lexemes develop on the basis of interrogative pronouns; secondly, the pronouns may be interrelated in children’s speech. The outcomes of our research suggest that the hypothesis is only partially right. On the one hand, no evidence has been found that interrogative pronouns serve as a foundation for the acquisition of their derivatives. On the other hand, children regularly confuse and interchange pronouns of different groups.

Keywords: children’s speech, pronouns, language acquisition, interrogative pronouns, negative pronouns, indefinite pronouns.

1. Введение

В русском языке отрицательные и неопределенные местоимения разных серий формируют ряды, организованные вокруг ядерной вопросительно-относительной лексемы: *что — ничто — нечто — кое-что — что-нибудь* и др. Местоимения одного ряда объединены не только по этимологическому, но и по функционально-семантическому принципу, то есть сохраняют связь с ядром и между собой в современном языке.

Что касается освоения местоимений, то из трех разрядов наиболее подробно в настоящее время изучены в этом аспекте вопро-

сительные местоимения. Следует назвать здесь классическое исследование на материале разных языков [10], в котором рассматриваются типы вопросительных конструкций и анализируются детские интеррогативные сверхгенерализации, а также посвященные вопросно-ответным диадам в диалоге взрослого и ребенка работы В. В. Казаковской, где в том числе приводятся данные о порядке появления вопросительных лексем у русскоязычных детей [5, с. 311, 314]. Однако особенности функционирования вопросительных местоимений и их взаимодействия с местоимениями других разрядов требуют дальнейшего изучения.

Эта статья отчасти представляет собой продолжение и дополнение статьи [6], в которой рассматривалось освоение детьми кванторных местоименных наречий — рядов, сформированных вокруг *где, когда* и др. В отличие от предыдущего, объектом настоящего исследования являются собственно местоимения — местоимения-существительные *кто* и *что* и местоимение-прилагательное *какой*, а также производные от них слова.

Гипотеза данной работы заключается в том, что онтогенетическое развитие местоименных рядов повторяет ход их исторического формирования, что проявляется в порядке освоения лексем разных разрядов: первыми у детей возникают ядерные вопросительно-относительные местоимения в базовой вопросительной функции, а производные лексем и дополнительные функции встраиваются в систему позже; кроме того, в речи детей возможны случаи функционального неразграничения / смешения местоимений одного ряда. Для проверки гипотезы предполагается проанализировать три аспекта освоения местоимений: порядок появления в речи; частотность; эффекты «перетекания» функций. С одной стороны, первые два аспекта тесно связаны с частотностью лексем в инпуте [2, с. 30]: как свидетельствуют данные взрослой речи [7], например, частотность лексемы *кто* в 4,4 раза превышает частотность лексемы *кто-то*. С другой стороны, чем выше степень прототипичности единицы, тем раньше в большинстве случаев она осваивается [8, с. 374].

2. Материал

Исследование основано на лонгитюдных данных речи пяти русскоязычных детей (Вани, Лизы, Кирилла, Вити и Филиппа), предоставленных Фондом данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А. И. Герцена. Возрастной охват записей различен: примерно с полутора лет у всех детей до 2,8 у Филиппа; 4,0 у Вани, Вити и Лизы (привлечение родительских дневников позволило расширить возрастные рамки у Лизы и Вани до 6 лет); 6,6 у Кирилла (с выпадением месяцев между 3,0–4,2). Контексты с местоимениями были извлечены из расшифровок аудио- и видеозаписей в формате CHILDES с морфологической разметкой при помощи пакета программ CLAN. Общее количество проанализированных контекстов с интересующими нас местоимениями составляет 1900. Были зафиксированы следующие лексем: в ряду «что»: *что, ничто, что-то, что-нибудь, кое-что* (только у Кирилла), *что угодно* (только у Филиппа); в ряду «кто»: *кто, никто, кто-то, кто-нибудь* (только у Вити и Кирилла), *кое-кто* (только у Кирилла); в ряду «какой»: *какой, никакой, какой-то, какой-нибудь*. Общее количество местоимений у каждого ребенка приведено в таблице 1.

Частотное распределение разрядов местоимений в целом совпадает у всех детей: на первом месте, как и предполагалось, находятся вопросительно-относительные (60–70%); на втором месте — неопределенные (20–30%), на последнем — отрицательные. Далее мы рассмотрим особенности место-

Таблица 1

**Количество контекстов с местоимениями у каждого ребенка
(абсолютное количество контекстов / процент от общего количества контекстов
с анализируемыми местоимениями)**

Разряд / Ребенок	Ваня	Витя	Кирилл	Лиза	Филипп
вопросительные	725 (73%)	109 (59%)	197 (67%)	159 (71%)	190 (93%)
неопределенные	193 (19%)	67 (36%)	66 (22%)	59 (26%)	7 (3%)
отрицательные	74 (7%)	10 (5%)	31 (11%)	7 (3%)	8 (4%)
Всего	992	186	294	225	205

имений в речи каждого ребенка и на основании выявленных сходств и различий построены выстроены непротиворечивую обобщенную картину онтогенеза кванторных местоименных рядов.

3. Индивидуальные особенности освоения местоименных рядов

3.1. Ваня

Ваня принадлежит к детям с экспрессивной стратегией развития языка [3, с. 105], одной из характеристик которой является активное использование местоимений. Действительно, «удельный вес» местоименных словоупотреблений в его речи достаточно велик по сравнению с другими детьми: около 8% контекстов с интересующими нас местоимениями от общего числа высказываний. Развитие системы местоименных рядов происходит не в ожидаемом порядке: первыми, в 2,3, в речи Вани возникают отрицательные формы *никакое* и *ничего* (1); вопросительное *что* (2) добавляется в следующем месяце; еще через месяц *что* и *кто* становятся регулярными; и еще один месяц проходит до фиксации первого неопределенного *что-то* (3).

(1) В.: *А еще что ты любишь, помимо супа?* — Р.: *Ничего* (Ваня, 2,3,19);

(2) *А это что, безиня [машина]?* (Ваня, 2,4,9);

(3) *Что-то есть* (Ваня, 2,6,18).

Вероятно, разрывом в 20 дней можно пренебречь и принять, что отрицательные и вопросительные местоимения возникают у Вани одновременно, в то время как неопределенные отстают от них на 2–3 месяца. Таким образом, на материале речи Вани гипотеза о превалирующем положении вопросительных лексем подтверждается лишь отчасти. С другой стороны, в речи Вани нередки случаи взаимодействия неопределенных и вопросительно-относительных местоимений в пределах близлежащих реплик: ребенок повторяет фразу, каждый раз немного перестраивая ее, перебирая варианты местоимений (4).

(4) *Можно сюда прицепить на хвост, можно что-то прицепить. <...> Что можно на хвост прицепить?* (Ваня, 2,8,1).

Кроме того, периодически Ваня использует одно местоимение вместо другого (*что* вместо *что-то/-нибудь*) (5) и наоборот, а также *какой* вместо *такой* и *какой* вместо *который*). Это показывает, что местоимения одного ряда для него обладают некой функционально-семантической общностью, единым набором функций.

(5) *Пойдем туда, там тоже скамейка какая* [ср. *какая-нибудь*] *есть* (Ваня, 3,2,7) — подобное употребление не запрещено и в речи взрослых.

Таким образом, даже если невозможно с уверенностью утверждать, что в речи Вани освоение отрицательных и неопределенных местоимений происходит на базе вопросительных, то эффекты взаимодействия местоимений в рамках одного ряда, несомненно, присутствуют, что позволяет говорить об актуальности объединения местоимений в ряды внутри индивидуальной языковой системы данного ребенка.

3.2. Лиза

Лиза, в отличие от Вани, обычно описывается как ребенок с референциальной стратегией освоения языка [3, с. 38], то есть число местоимений в ее речи меньше, чем у экспрессивных детей: в данном случае — 2,5% контекстов с местоимениями от всех зафиксированных контекстов. Ход освоения местоименных рядов отличается значительным своеобразием. До 2,10 в ее речи полностью отсутствуют местоимения *что* и *кто* и производные от них (это подтверждается как записями, так и родительским дневником); единственным рядом на протяжении 9 месяцев является ряд *какой*. Кроме того, первыми в ее материале зафиксированы неопределенное *какой-то* (6) и отрицательное *никакой* (7). По данным родительского дневника, *какой* впервые возникает в 2,1,22. И родительский дневник, и расшифровки записей свидетельствуют о том, что первые несколько месяцев *какой* используется

только в эмфатической функции (8). Строго вопросительное значение обычно сочетается с относительной функцией (9).

(6) *Напишет какие-то букву Лизочка фло-мастером* (Лиза, 2,1,5);

(7) *Дядьки никакого [акава] нет* (Лиза, 2,1,5);

(8) *Какой кенгуренок!* (Лиза, 2,3);

(9) *Помнишь, какая коза была там <в> домике?* (Лиза, 2,9).

Неопределенные и вопросительные местоимения продолжают употребляться регулярно на протяжении всего анализируемого периода, тогда как отрицательные используются спорадически. Если вопросительные местоимения-существительные *кто* и *что* полноценно включаются в лексикон Лизы только с 3 лет (10, 11), то соответствующие им неопределенные и отрицательные лексемы и после этого возраста присутствуют в ее речи лишь в следовых количествах.

(10) *А это он на чем катается?* (Лиза, 3,0,26);

(11) *Кто к тебе пришел?* (Лиза, 2,11, 12).

Таким образом, провести анализ взаимодействия местоимений одного ряда в речи Лизы возможно только на материале ряда *какой*. Смещение разрядов фиксируется в 3 случаях: дважды Лиза использует вопросительно-относительную лексему в неопределенной функции (12); один раз прибавляет частицу *-то* к указательному *такой* (13).

(12) *Тут *казака какие [какие-то]* (Лиза, 2,3);

(13) *Они такие зернышки, какие такие-то...* (Лиза, 3,0,26).

Данные речи Лизы не подтверждают нашу гипотезу. Лиза начинает употреблять местоимения не с первичных вопросительных, а с производных отрицательных и неопределенных. Единственный фактор, свидетельствующий в пользу гипотезы, — частотность вопросительных местоимений: здесь Лиза демонстрирует типичное распределение местоимений разных разрядов. Эффекты взаимодействия местоимений почти не на-

блюдаются. Необычным является и то, что семантически прототипические и фонетические простые, односложные *кто* и *что* уступают более сложному *какой*.

3.3. Витя

Витю принято определять как ребенка со смешанной экспрессивно-референциальной стратегией «с уклоном в сторону референциальности» [9, с. 17]; число местоимений в его речи значительно меньше, чем у других детей: всего 1,8% контекстов с анализируемыми местоимениями от всех зафиксированных контекстов. Витю, таким образом, можно считать «неместоименным» ребенком. В отличие от двух предыдущих детей, Витя демонстрирует ожидаемый порядок возникновения местоимений. Абсолютно первым, причем раньше, чем у двух других детей, возникает строго вопросительное *что* (14), за ним следует вопросительное же *кто*. Через 4 месяца фиксируется первое отрицательное местоимение в форме *ничего* (15); еще через месяц — неопределенное *какой-то* (16).

(14) Р.: *А что это?* — В.: *А это редиска* (Витя, 2,1,28);

(15) **Вамбаськи ничего...* (Витя, 2,5,4);

(16) *Ой, кака... какая-то попала* (Витя, 2,6,17).

Действительно, в речи Вити разряды местоимений появляются в предсказанном порядке: вопросительные — отрицательные — неопределенные. Неопределенные лексемы, с большой долей вероятности, опираются на вопросительные: появлению *какой-то* предшествует использование в том же месяце вопросительного *какой*. Нужно, однако, заметить, что отрицательные *никого* и *ничего* в Р. п. возникают после *кто* и *что* в И. п.; формы *кого* и *чего* не отмечаются в этот промежуток времени. Это, однако, не свидетельствует против нашей гипотезы. Наблюдаются в речи Вити и эффекты взаимодействия местоимений в соседних репликах: как и Ваня, Витя несколько раз «проигрывает» одну фразу с разными местоимениями (17).

(17) *Еще нам надо что? <...> Еще нам надо... Что нам надо? <...> Что-то еще надо... <...> Еще надо что-то* (Витя, 2,9,22).

Неопределенные местоимения, по всей видимости, теснее связаны у Вити с вопросительными, чем отрицательные. Интересно также, что Витя не допускает смешения местоимений, связанного с присвоением функции одного разряда другому: в его речи не обнаружено вопросительных лексем в неопределенной функции и т. п. Кроме того, местоименный репертуар Вити шире, чем у предыдущих детей: Витя активнее использует серию на *-нибудь*. В его лексиконе зафиксированы местоимения всех трех рядов: *что-нибудь*, *кто-нибудь* и *какой-нибудь* в разных формах.

3.4. Филипп

Материал Филиппа, к сожалению, не позволяет проследить развитие его речи в возрасте старше 2,8. Это отсекает некоторую часть местоименных лексем и функций, которые обычно возникают или начинают регулярно использоваться после 3 лет (серия на *-нибудь*; относительная функция). Здесь мы имеем возможность описать только начальный этап освоения местоименных рядов. Стратегия Филиппа обычно определяется как экспрессивная [1]; относительное число контекстов с местоимениями в его речи, однако, невелико — 2,4% от всех зафиксированных контекстов, как у референциальной Лизы. Очевидно, эта цифра связана в первую очередь с отсутствием записей после возраста 2,8. Основную часть занимают вопросительные местоимения. Порядок освоения местоимений Филиппом идеально соответствует ожидаемому. Первые местоимения (вопросительные *что* и *какой*) возникают рано — уже в 1,8 (18). На протяжении нескольких месяцев Филипп оперирует только вопросительными лексемами; затем одновременно появляются отрицательные и неопределенные лексемы, относящиеся к ряду *что* (19, 20).

(18) *А что у тебя там?* (Филипп, 1,8);

(19) *Ничего я не рисовал!* (Филипп, 2,2);

(20) *Чего-то мягкое нужно* (Филипп, 2,2).

Данные речи Филиппа позволяют заявить, что в его случае отрицательные и неопределенные местоимения связаны с вопросительными и, вероятно, осваиваются на их основе. Эффекты взаимодействия или смешения функций, однако, не зафиксированы, поэтому не исключена возможность, что имеет место простое совпадение.

3.5. Кирилл

Стратегия Кирилла была предварительно определена как близкая к экспрессивной в [4, с. 63]. Данные об употреблении Кириллом местоимений подтверждают это предположение: количество контекстов с анализируемыми местоимениями в его материале составляет 4,6% от всех контекстов, что больше, чем у однозначно референциальных детей, хотя меньше, чем у однозначно экспрессивного Вани. Кирилл несколько активнее, чем другие дети, оперирует отрицательными местоимениями (11% от всех анализируемых местоимений, см. табл. 1). Несмотря на то, что абсолютно первым в его речи в 2,3 фиксируется вопросительное *кто*, другие вопросительные местоимения в том же возрасте не отмечаются; следом одновременно возникают неопределенные *какой-то* (21), *какой-нибудь* и *кто-то*, отрицательные (22), а также вопросительное *что*. Стоит констатировать, что местоимения всех разрядов появляются у Кирилла одновременно.

(21) *Дед Саша... а, какой-то* [рассматривает фотографии] (Кирилл, 2,4);

(22) *Ничего ночника* (Кирилл, 2,4).

Необычным является путь освоения Кириллом неопределенных местоимений. Кирилл — единственный ребенок в нашем материале, который достаточно регулярно использует местоимения серии на *кое-*: *кое-что* с 2,9 (23); *кое-кто* после 5 лет.

(23) *Сейчас я ей сделаю кое-что* (Кирилл, 2,9).

Количество контекстов с *кое-* в речи Кирилла превышает суммарное количество

высказываний с *кое-* в речи взрослых собеседников четырех других детей. Серия на *-нибудь*, относительно поздняя у других детей и, по всей видимости, семантически сложная для них, у Кирилла возникает одновременно с серией на *-то* (24).

(24) *Дать... да, какую-нибудь* [бумажку] (Кирилл, 2,4).

Кирилл, следовательно, уже в раннем возрасте не испытывает затруднений при расчленении общенеопределенной семантики на частные подварианты ('неизвестный мне', 'неизвестный тебе и известный мне', 'неопределенный'). Что касается взаимодействия разрядов, то в речи Кирилла обнаруживаются эффекты смешения: так, избегая двойного отрицания, Кирилл использует вместо отрицательного местоимения вопросительное (25).

(25) *Поэтому не заменяю подгузник *кому* (Кирилл, 2,9).

Таким образом, при освоении отрицательных и неопределенных местоимений Кирилл, вероятно, не опирается на вопросительные, однако при дальнейшем использовании местоимения сохраняют определенную связь друг с другом.

4. Обобщение

Анализ данных пяти детей показал, что не существует единой стратегии освоения вопросительных, неопределенных и отрицательных местоимений. Тем не менее можно выделить некоторые общие для всех детей конкретные характеристики этого процесса. Отрицательные и неопределенные местоимения у всех детей возникают в первой половине третьего года жизни; этот промежуток укладывается в возраст от 2,1 до 2,6. Возрастной разброс появления вопросительных местоимений составляет от 1,8 до 2,10. Вопросительные местоимения могут появиться раньше или позже отрицательных/неопределенных или одновременно с ними. Это приводит нас к тому, что, вероятно, стоит рассматривать вопросительные и отрицательные/неопределенные как две не

связанные друг с другом группы. В таком случае примеры детей, у которых отрицательные/неопределенные следуют по возрасту появления за вопросительными, не опровергают, но и не подтверждают нашу гипотезу.

Близким к константе является и возраст начала использования относительных конструкций: 2,4–2,7 у всех детей, исключая Кирилла (2,11). Большинство относительных употреблений соотносится с глаголами зрительного восприятия, обычно при обращении к собеседнику: «*(по)смотри/видишь, кто/что/какой...*»; реже встречаются глаголы *знать* и *помнить*.

Внутри одного разряда местоимения, относящиеся к разным рядам, имеют разную частотность: так, *что* превалирует среди вопросительных и отрицательных, *какой* — среди вопросительных в относительной функции и неопределенных (табл. 2).

Таблица 2

Абсолютное количество местоимений разных разрядов

Разряд / Ряд	<i>какой</i>	<i>кто</i>	<i>что</i>	Всего
вопросительные	155	243	360	758
относительные	240	39	127	406
неопределенные	204	66	122	392
отрицательные	18	41	71	130
Всего	804	392	706	1902

Что — прототипическое для детской речи вопросительное местоимение. Именно вопросительное *что* возникает у детей первым в соответствующем ряду и является наиболее частотным как в детской, так и во взрослой речи. Те дети, которые начинают освоение ряда *что* не с вопросительной лексемы, первой порождают форму *ничего*. Частотность отрицательного *ничто* высока за счет этой формы, несущей, кроме основного значения, несколько дополнительных прагматических; именно *ничего*, таким образом, стоит считать прототипической отрицательной местоименной формой. В ряду *кто* также активнее всего используются вопросительный и от-

рицательный варианты. При этом ряд *кто* ни в одном из разрядов не занимает лидирующего положения, что связано с прагматикой речевой ситуации, то есть с соотношением одушевленных и неодушевленных референтов вокруг ребенка. Местоимения рядов *кто* и *что*, таким образом, формируют кластер, функционирующий по единым законам: обобщенная семантика «предметности» соотносится с вопросительностью и отрицательностью.

В ряду *какой* наиболее частотными являются относительные и неопределенные употребления; среди относительных и неопределенных самыми частотными являются местоимения ряда *какой*. Число относительных употреблений велико за счет относительно-эмфатических и относительно-указательных конструкций типа «смотри, какой Х». Именно эмфатическая функция *какой* возникает у детей первой. Что касается неопределенных *какой-то* и *какой-нибудь*, то, вероятно, семантика неопределенности тем или иным образом связывается с семантикой качества/признаковости. Таким образом, как и местоименные наречия [6], местоимения разных рядов тяготеют к выполнению определенных кванторных функций, то есть, обобщая, можно говорить о наличии семантических связей «предметность — вопросительность», «предметность — отрицательность» и «признаковость — неопределенность».

5. Выводы

Наша гипотеза о ходе освоения кванторных местоименных рядов подтвердилась не полностью. Не было обнаружено фактов, подтверждающих предположение о том, что неопределенные и отрицательные местоимения осваиваются на базе вопросительных. Хотя по частотности вопросительные преобладают над другими местоимениями, этого нельзя сказать о порядке освоения: не во всех рядах первым появляется именно «базовый» вопросительный член; более того, не у всех детей вопросительные возникают

первыми. Два ребенка, действительно, начинают освоение кванторных рядов с вопросительных лексем (Витя и Филипп); два — с отрицательных (Ваня и Лиза), у одного все три разряда возникают одновременно (Кирилл). Очевидно, это свидетельствует о том, что вопросительные и отрицательные/неопределенные местоимения в онтогенезе не привязаны друг к другу строго. Если отрицательные и неопределенные местоимения появляются у всех детей примерно в одном возрасте (от 2,1 до 2,6), то вопросительные местоимения могут возникнуть как раньше, так и позже них или одновременно с ними.

Индивидуальные различия между детьми касаются не только порядка появления местоимений, но и репертуара местоименных лексем, которым оперирует ребенок: так, только у Кирилла фиксируется серия на *кое-*, только у Филиппа — *что угодно*.

Вторая часть гипотезы — о наличии эффектов взаимодействия между местоимениями одного ряда — подтвердилась для некоторых детей. Смещение местоимений разных разрядов (использование вопросительных вместо отрицательных или неопределенных и наоборот) в той или иной степени характерно для четырех детей из пяти в нашем материале. Кроме того, у детей, вероятно, формируется система, в которой местоимения «распределяются по функциям», то есть определенные кванторные функции чаще других связываются с местоимениями определенной семантики. Такими связками являются «предметность — вопросительность», «предметность — отрицательность», а также «признаковость — неопределенность» и «признаковость — эмфатичность». Все это свидетельствует о том, что вопросительные, отрицательные и неопределенные местоимения осваиваются детьми системно, между ними существует взаимосвязь, однако вопросительные местоимения не служат базой для освоения отрицательных и неопределенных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондаренко А. А.* Индивидуальные особенности в освоении грамматики детьми 2–5 лет: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 365 с.
2. *Воейкова М. Д.* Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд «Развитие фундаментальных лингвистических исследований», 2015. 352 с.
3. *Доброва Г. Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.
4. *Иванова К. А.* Оценка индивидуальных стратегий усвоения русского языка детьми с помощью автоматизированного анализа данных спонтанной речи (ранние этапы): вып. квалиф. работа магистра [на правах рукописи]. СПб.: СПбГУ, 2011. 94 с.
5. *Казаковская В. В.* Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». 2-е изд. М.: URSS, 2011. 448 с.
6. *Краснощекова С. В., Каховская Ю. В.* Кванторные местоименные наречия в речи детей // Российский гуманитарный журнал. 2019. № 5. С. 324–333.
7. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
8. *Цейтлин С. Н.* Категория рода в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 346–375.
9. *Чиглова Е. И.* Стратегии освоения категории лица в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2019. 28 с.
10. *Wode H.* Some stages in the acquisition of questions by monolingual children // Word. 1971. Vol. 27. No. 1–3. P. 261–310.

REFERENCES

1. *Bondarenko A. A.* Individualnye osobennosti v osvoenii grammatiki det'mi 2–5 let: dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2011. 365 s.
2. *Voejkova M. D.* Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoj morfologii russkogo yazyka. M.: Fond “Razvitie fundamental'nyh lingvisticheskikh issledovanij”, 2015. 352 s.
3. *Dobrova G. R.* Variativnost rechevogo razvitiya detej. M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2018. 264 s.
4. *Ivanova K. A.* Ocenka individual'nyh strategij usvoeniya russkogo yazyka det'mi s pomoshchyu avtomatizirovannogo analiza dannyh spontannoj rechi (rannie etapy): vyp. kvalif. rabota magistra [na pravah rukopisi]. SPb.: SPbGU, 2011. 94 s.
5. *Kazakovskaya V. V.* Vopros i otvet v dialoge “vzroslyj — rebenok”. 2-e izd. M.: URSS, 2011. 448 s.
6. *Krasnoshchekova S. V., Kahovskaya Y. V.* Kvantornye mestoimennye narechiya v rechi detej // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. No. 5. S. 324–333.
7. *Lyashevskaya O. N., Sharov S. A.* Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka). M.: Azbukovnik, 2009. 1087 s.
8. *Tseitlin S. N.* Kategoriya roda v detskoj rechi // Problemy funkcional'noj grammatiki: Polevyje struktury / отв. ред. А. В. Bondarko, S. A. Shubik. SPb.: Nauka, 2005. S. 346–375.
9. *Chiglova E. I.* Strategii osvoeniya kategorii lica v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovec: Cherepoveckij gos. un-t, 2019. 28 s.
10. *Wode H.* Some stages in the acquisition of questions by monolingual children // Word. 1971. Vol. 27. No. 1–3. P. 261–310.